

Подстрочник

Жизнь Лилианны Лунгиной,
рассказанная ею
в фильме Олега Дормана

[memoria]

CoRpus

Сидишь ты предо мной в черной одежде,
и пьем вино с тобой мы — я и ты.

А перед нами молодые лица.
Такими же, мой друг,
ведь мы были тогда.
Или теперь мне это только снится?
И те же мы и не прошли года?
А эта девочка с прелестными чертами
и с грацией семнадцатой весны —
кто перевоплотил волшебными перстами
тебя в нее, действительное в сны?
Ту девочку я видела когда-то,
я видела ее тогда — шестого июня, в ночь, —
нам памятна с тобою эта дата,
и странно мне, что это — твоя дочь.

Ну что ж, мой друг, пусть пенятся бокалы,
была ведь и для нас прекрасная пора,
ведь и для нас когда-то розы были алы,
и было нам семнадцать лет тогда.

Вот такое трогательное, наивное стихотворение.

В Германии был уже Гитлер, и ехать через Германию было невозможно. Надо было ехать в объезд, через Италию и Австрию.

Я помню этот поезд, сперва такой веселый — начало мая, еще занимались горными лыжами, — лыжники в спортивных костюмах, веселые, загорелые. И по мере того как мы продвигались ближе к Востоку, он становился все более унылым, уже никаких лыжников, какие-то понурые люди, — и вот мы попали в Варшаву.

Здесь я сижу у папы на коленях, я очень люблю папу, он меня очень баловал,
и до этой минуты и ощущала слитность с ним и со всем миром. И вдруг как
бы противопоставила себя и папе, и всему, что было вокруг.

Дед был не только хозяин этой аптеки, но и сам фармацевт, химик, занимался все время в лаборатории какими-то изобретениями — и обожал игрушки.

Мама и папа — это гимназический роман. Мама закончила полтавскую гимназию, а папа — реальное училище с инженерно-техническим уклоном.

У меня сохранилась цветная мамина тетрадка, в которой описано, как шестого июня седьмого года на террасе ее дома праздновали окончание учебы. Праздновали дружеской компанией, три девочки и три мальчика, и есть запись удивительных, романтически-возвышенных планов, которые они имели на эту жизнь.

После погромов седьмого года маминя семья уехала из Полтавы в Германию. Прожили там два или три года, а потом перебрались в Палестину. Но мама не вынесла разлуки с отцом. Она оставила родителей в Яффе и вернулась в Россию искать папу. А он тем временем успел кончить Петербургский горный институт.

И тут началась Первая мировая война, папа пошел воевать. Что называлось, "вольноопределяющимся". И попал в немецкий плен. Почти четыре года сидел в немецком плену, поэтому потом очень хорошо говорил по-немецки.

А мама во время войны организовала детский сад для еврейских детей, чьи отцы были мобилизованы. Первый еврейский детский сад, "пити-дневну", т.е. там дети жили, спали, их разбирали только на выходной день.

Папа вернулся из плена, как и все, к концу войны, в девятнадцатом году. Видимо, тут они окончательно соединили свои жизни.

И получил сразу первое назначение — заведующим горно в город Смоленск. Куда папа с мамой и переехали, там им дали комнату — келью в Смоленском монастыре, где шестнадцатого июня двадцатого года я и родилась.

Весь московский период, а потом и в дальнейшем меня сопровождали куклы. Мама была страстной любительницей кукольных театров и хотела создать свой театр.

Когда мне было два года, мама возила меня в Берлин, где мы встретились с бабушкой. Сама я почти ничего не помню, но судя по маминим письмам отцу, бабушка все время критиковала ее за то, что я не так одета, не так причесана.

В двадцать пятом году был брошен клич, что нужно начать торговать с Западом. Многих членов партии с высшим образованием стали посылать на заграничную работу.

От первого учебного года у меня осталось очень яркое воспоминание. Как-то раз к нам приехал Горький. Он эмигрировал из России еще в двадцать первом году.

За время нашей жизни в Германии я превратилась в немецкую девочку. Потому что я ходила в посольскую школу только первый год, а потом пошла в нормальную немецкую гимназию, научилась писать готическими буквами, бойко читала детские, готическими буквами напечатанные книжки.

Сидеть надо было ползаям руки на парту — строгая немецкая гимназия. Женская — мальчики и девочки тогда учились отдельно. Охотно ходила. Никаких негативных эмоций это не вызывало. Как-то все ходили. Вообще, в тот момент мне хотелось быть как все, жить как все, слиться.

Когда папа должен был вернуться из отпус-
ка, мы поехали встречать на вокзал — его в
поезде не было. На другой день он позвонил
и сказал только: "Не ждите меня".

Эпиграф

Мне уважаемой фрейсе. ~~Мамин фрейсе~~
~~Фрейсе~~

Умру-стиков останеря геррад
Зачемеш в мисх кода-кибуз
и скажеш: „ все же ди родной
украдко
Котляга! ..
Смерка под, в душе-болвниой
брэдга ..

Мирчески мдукае ом и прогее ..
и амшкол гаго стави ..
многотее ..

Котмарей всеи думань ом
гитча ейти и ширафки ..
Не ввекоеи а идучке острафки ..
Он вздичиде охорно куша а савки ..
Любча ишубиуь рюможе наливки ..

Как сказать, какая была мама? Мама была полна шуток, игры. В ней очень сильно было игровое начало. Мама с детства очень легко рифмовала и писала всякие шуточные стихи. Ну вот эпиграфо такую, скажем, написала.

Бульвар Пастера, тринадцать — на всю жизнь запомнила этот адрес, дом Ревекки, маминей гимназической подруги. Она вышла замуж за сына очень знаменитого в России в те годы профессора психиатрии Минора.

Помню, как в первый же вечер Ревекка с мамой куда-то ушли, а мы, дети, остались одни. Мальчик Ляля, на три года старше меня, и девочка Зина, невыслымая красавица, на пять лет меня старше, белокурая, с совершенно роскошными локонами.

Marie Imali

DIRECTRICE DU THÉÂTRE

« PÉTROUCHKA » MARIONNETTES D'ART

82 bis, Rue du Colontin Côté Invalides 02-53

А потом мама организовала кукольный театр. Назывался он русским словом "Петрушка".

Кукольный театр очень простой — куклы и ширма. В одной руке ширма, в другой — чемоданчик с куклами, и можно путешествовать хоть куда.

Все, что она делала, — и кружок одиноких, и детский сад, и тот кукольный театр "Петрушка", который все-таки завоевал Париж, шутка сказать — все газеты писали рецензии, это что-нибудь да значит! — она делала талантливо.

ПЕТРУШКА

посвящено маме Доротеи

« Petrouchka »

Les marionnettes ont été présentées jeudi après-midi, à Gure-Etchea, à un très nombreux public, dans lequel on pouvait constater la présence de plus de trois cents enfants. Une suite de scènes très bien conçues et réglées mettaient en valeur les jolies poupées, aux mouvements bien coordonnés, et le dialogue autant que les gestes était bien fait pour intéresser les tout petits qui ont suivi toute la représentation avec une attention passionnée. On en avait la preuve dans l'ensemble et l'ardeur avec lesquels les enfants répondaient aux questions que leur posaient par moments les minuscules acteurs.

Nous ne pouvons entrer dans le détail des nombreuses scènes, parlées et chantées par les marionnettes de Marie Imali. Costumées à ravir, manœuvrées avec exactitude et précision par d'invisibles mains, elles offraient un spectacle du plus grand intérêt non seulement pour les tout petits, mais même pour les grandes personnes qui les accompagnaient.

Nous enregistrons avec plaisir ce nouveau succès de Gure-Etchea. En organisant de véritables fêtes de famille, il comble une lacune et rend un service signalé aussi bien à la population luzienne qu'aux étrangers qui nous honorent de leur présence. Il n'est que juste d'en féliciter les dévoués organisateurs.

Группа мам, 20, Сукмане-де-ла-Сен-Жан

Она вылепила пятнадцать–двадцать кукол, набрала ребят, детей знакомых. Вокруг Ревекки была компания бывших советских людей, ставших эмигрантами.

Я хорошо помню, как одна ее подруга, которую я обожала, которая была актриса в кино и невероятная красавица с огромными зелеными глазами, звали ее Элиан Табар, иногда водила меня на киностудию с собой и почему-то всем там говорила, что я ее дочка.

COMÉDIE CAUMARTIN

25, rue Caumartin
TÉLÉPHONE: LOUVRE 07-36

Directeur : M. Robert GALLOIS
Secrétaire Général : M. Gabriel MARROT

Le Marchand d'Idées

Я играла маленькую роль, но, в общем, роль в большом спектакле. Пьеса называлась “Продавец мыслей” — “Ле маршан д’идэ”. И было написано в программке, она у меня сохранилась: Лили Имали.

Conte en trois actes et un prologue
de Solange DUVERNON

Le spectacle sera présenté par Jean MERCURE 1.27

« Le Marchand d'Idées »
à la Comédie-Caumartin

(Photo G. - 2. - 1948 - Théâtre)

Мама перевела меня в лицей Виктора Дюрюи. Довольно близко, тоже в Латинском квартале, я пешком утром ходила в этот лицей. И там я нашла свою любимую французскую подругу..

*A mon petit
Liouchka en ton
air d'une ga
ande amie
Lida*

Лето мы проводили в Сен-Жан-де-Люзе, выступали, но было много свободного времени. Все эти ребята вокруг Лиды, с которыми я подружилась, каждое лето туда ездили. И летом я включалась в этот мир старших друзей.

PROMENADE

FEODOR CHALIAPINE

133

Сен-Жан-де-Люз — знаменитый, престижный курорт. Где, между прочим, жил Шаляпин. У него была вилла, немножко выше, над городом, и мы с мамой ходили приглашать Шаляпина на спектакль кукольного театра.

134

Житя был влюблен в Лиду, в свою любимую подругу. Они даже еще не поцеловались, потому что и никому, еще даже получила от Лиды письмо, в котором она написала, что Жане ее первый раз поцеловал.

135

Жизнь в Париже оставила в моей памяти ощущение бега. Я мчалась куда-то вперед. Не шла, не сидела, я бежала, я мчалась чему-то навстречу. И вдруг меня резко с дороги сбили в совершенно другую сторону.

Там остановились, жили два-три дня у маминых знакомых. После Парижа Варшава мне показалась городом из другой части света — каким-то полуазиатским, перенаселенным, беспорядочным, забитым фиакрами и допотопными авто. Машины знакомые оказались милыми радушными людьми, в доме было пятеро детей и все время толпились друзья и соседи. Нас немедленно усадили за стол. В жизни не видела столько колбас и копченостей. Все говорили только одно: “Куда вы едете, как вы можете ехать в эту страшную страну? Там же голод! Все стремятся оттуда, а вы туда, вас обратно не выпустят, вы окажетесь заперты в клетке!” И как-то сердце все больше сжималось, мама отвечала: “Все решено, муж нас ждет”, — и под влиянием этих разговоров покупала какие-то бесконечные колбасы, которые клялись в чемоданы... Наконец сели в поезд.

Тогда граница с Польшей была не Брест-Литовск, как теперь, а станция Негорелое. Мама решила послать телеграмму отцу, и мы вышли на перрон. Поезд стоял в Негорелом несколько часов, а почта, нам сказали, — на площади. Из вокзала выходить на перрон было нельзя, а внутрь пройти можно. Мы вошли в зал ожидания, и я увидела страшное зрелище. Весь пол был устлан людьми, которые то ли спали, то ли были больны и бессильны, я плохо понимала, что с ними, плакали дети, ну, в общем, зрелище каких-то полуживых людей. А когда мы вышли на площадь, то и вся площадь была устлана ими. Это были люди, которые пытались уехать от голода, действительно умирающие с голоду люди. Я стояла в синем пальто с какими-то серебряными или золотыми пуговицами и каракулевым воротником, а передо мной — все черное, лохмотья. И я почувствовала такой ужас и такую свою неуместность... Мне стало очень

Она мне рассказала, что Марк и Женя погибли в первых боях Отечественной войны.

Томик Пастернака с надписью — все, что у меня от Жени осталось. Но образ его прошел через всю мою жизнь. Я о нем никогда не забывала. Он как-то присутствовал в моей жизни всегда. Женя, мой младший сын, назван в его честь. И Павлик был бы Женей, но Сима очень хотел назвать первого сына в честь своего деда, и когда Павлик родился в день Петра и Павла, я решила, что сама судьба распорядилась, как его назвать, и он стал Павликом. Второй, естественно, стал Женей.

Ася договорилась в военкомате в Москве, что поедет в часть Марка, она хочет там быть медсестрой, и вот теперь плыла навестить своих родителей, которые жили выше по Каме, в Бондюге, чтобы с ними проститься. Потом я к ней поехала на несколько дней, отпросившись в своей газете, и она уехала. Ася действительно стала медсестрой в части, где погибли Марк и Женя — они были вместе, — и провела до конца войны.

Второе событие весны — появление другого знакомого мне человека, а именно Маргариты Алигер¹. Оказалось, ее старшая дочка Таня с бабушкой, ее матерью, тоже жили в Набережных Челнах. Мы были немножко знакомы. Рита приехала их проведать.

И я — здесь мой авантюристический нрав сказался — твердо решила, что уеду с ней. В Москву. Не насовсем, а ненадолго. Но была настолько слабодушна и труслива, что не посмела сказать маме. И сказала: мама, я поеду с Маргаритой до Чистополя, где писательская организация, может, мы сумеем перевестись куда-нибудь, в общем, попробуем как-то улучшить нашу жизнь, отпусти меня на

В Москву мы приехали четвертого мая тридцать четвертого года. Первые впечатления. Квартира. Знаменитый дом Каляевка, пять, построенный на деньги людей, работавших за границей. За валюту, которую папа заработал в Берлине, он получил квартиру. Номер 215, на седьмом этаже. Лестниц еще не было, а о лифте и говорить нечего, — были настилы. И вот нужно на седьмой этаж подниматься по таким настилам.

¹ М.И. Алигер (1915–1992) — поэтесса.

KAMPF
GEGEN DIE RELIGION
KAMPF
FÜR DEN
SOZIALISMUS

DER KOLLEKTIVISME

LEHRER
SCHULE

1945

1. ~~Braslaw~~ Frolowa

2. Genasewa

3. Melinenska

4. ~~Kosser~~ Székely

5. Markowitsch

6. ~~Protoperpont~~ Tschichonow

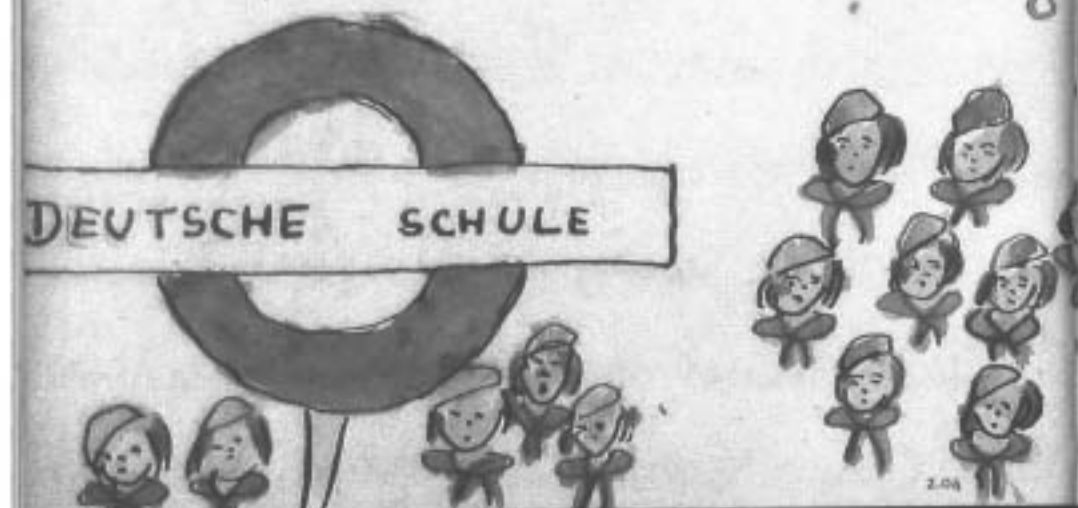
7. ~~Rech~~ Jedotowa

8. Schneepalaw

После долгих поисков решили, что меня отдадут в немецкую школу. Это была школа для детей коммунистов, бежавших от Гитлера, и специалистов, которые помогали строить эту новую социалистическую державу.

Что меня поразило: до какой степени все ребята думают одинаково же. Меня поразило конформизм, единство, отсутствие индивидуальных черт у ребят. И мне очень хотелось быть как все.

rende, politische Genossen wie D
Kalinin, Schmidt und andere ange

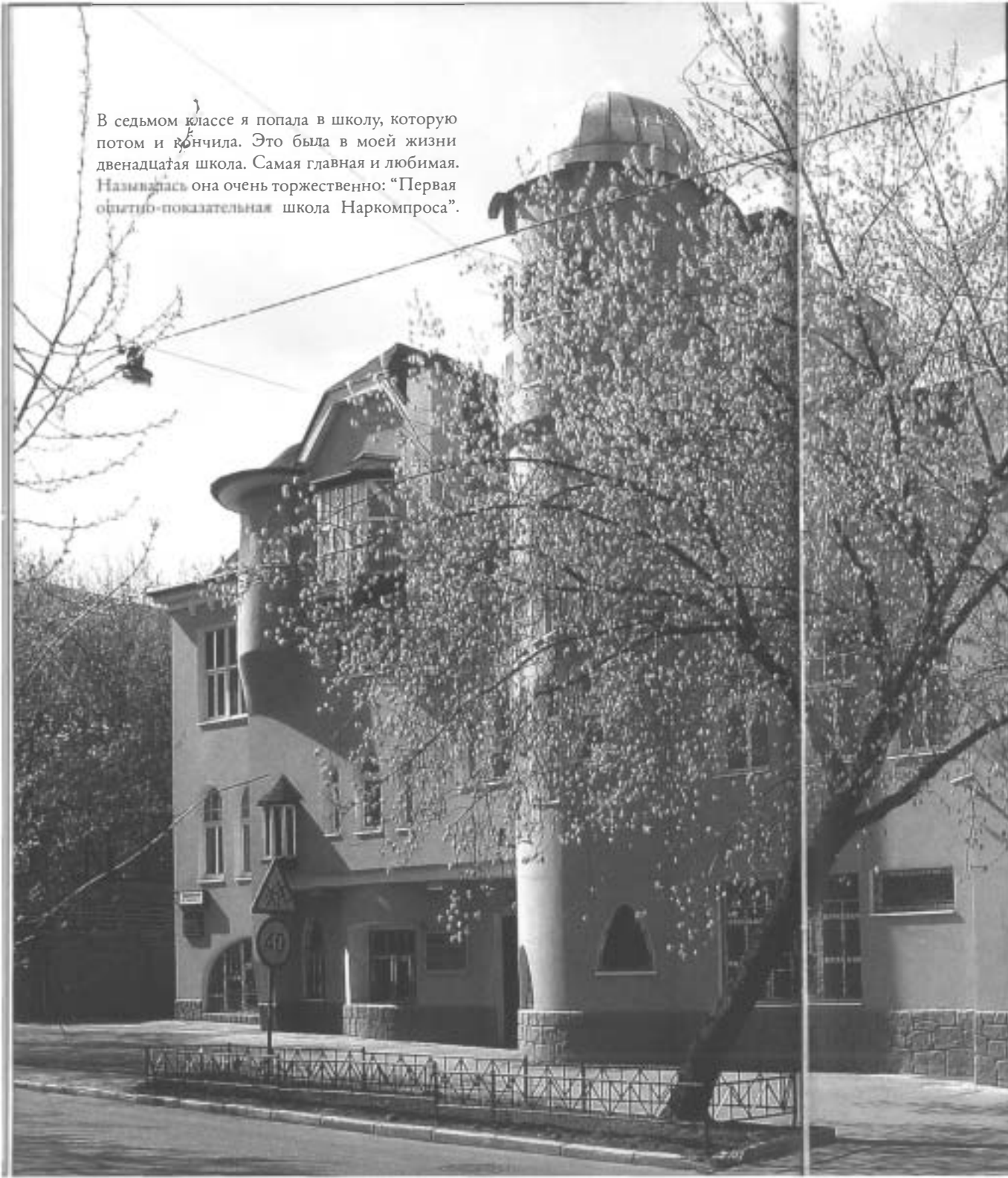

Когда я вернулась из лагеря, то назд меня папа в немецкую школу не пустил. Я была убита этим, но он, всегда очень мягкий со мной, здесь был совершенно железен, и я очень скоро поняла, насколько он был прав, потому что в тридцать шестом году всю эту школу разогнали, всех учителей, очень многих родителей и немало детей арестовали, и вскоре школа перестала существовать.

Все его товарищи по объединению, где он работал, — оно называлось "Технопромимпорт" — уже были арестованы. Папа по болезни... к счастью, он заболел, это страшно говорить — "к счастью", но тем не менее только его болезнь дала ему возможность умереть в собственной постели, а не в камере.

В седьмом классе я попала в школу, которую потом и влюбилась. Это была в моей жизни двенадцатая школа. Самая главная и любимая. Называлась она очень торжественно: "Первая общеобразовательная школа Наркомпроса".

У нас была действительно замечательный класс, из которого вышло много интересных ребят. Не пройти в школу было страшным наказанием. Когда поднималась температура, мы сбивали градусники. Потому что, хотя у нас были очень хорошие учителя, самым интересным было живое общение. Одно удовольствие было поздно расхохотаться, провозжали друг друга, — шла своя интенсивная жизнь.

Все эти ребята друг об друга шлифовались. Здесь, пожалуй, каждый человек был яркой индивидуальностью, нес в себе что-то совершенно своеобразное. И без моей любимой школы я была бы другой, я бы совсем иначе, наверное, провела бы свою жизнь, — школа мне исключительно много дала.

2.11

Другое сильное впечатление тех лет. Папа дружил со всемирно знаменитым шахматистом Эмануилом Ласкером, и по воскресеньям, два-три раза в месяц, мы ходили всей семьей к ним обедать. Он жил здесь в эмиграции, бежавши от Гитлера, он был еврей, как известно. Чувствовал себя здесь неуютно, мало кого знал, очень привязался к папе и даже играл с ним в шахматы после этих обедов. На каком-то очередном обеде он нам сказал: все, мы попросили визу, уезжаем в Америку. Мы боимся здесь оставаться.

Мама вела кружок кукольного театра при Союзе писателей. Поэтому ей продлили путевки в писательский дом в Констеле. Эта земля растрескавшаяся, этот изумительной красоты берег одной из самых древних в Европе горных цепей — Карадаг, — все это было пленительно. А дополнением к этому, гармоничным и поэтичным, был Дом поэта, дом Волошинна.

EMANUEL LASKER
LEHRBUCH DES SCHACHSPIELS

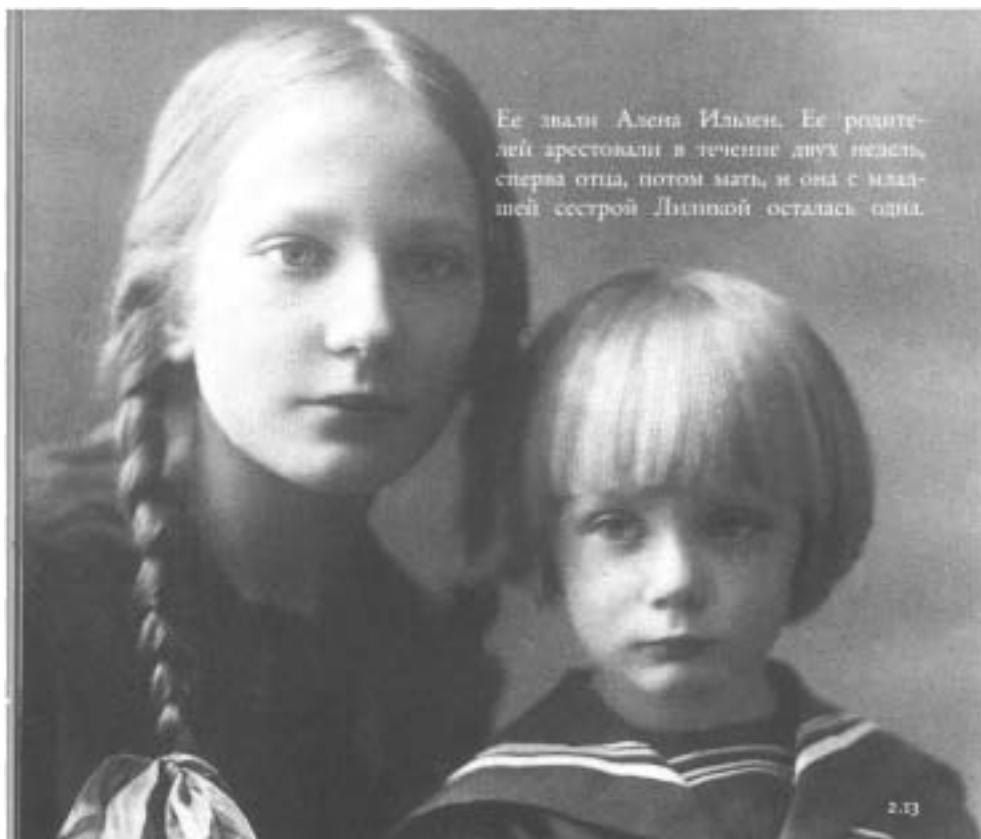
Meinem alten
lieben Schüler
S. Markowitzsch
Em Lasker
14 Sept 1937
Moskva.

2.10

Тогда же я познакомилась с другом, который потом прошел через всю мою жизнь, — с Ильей Нусеновым, Эльшой, как его все звали.

2.12

Ее звали Алена Ильин. Ее родителей арестовали в течение двух недель, сначала отца, потом мать, и она с младшей сестрой Длинной осталась одна.

2.13

Во время войны Алена была арестована, провела в лагере двенадцать лет и находилась среди уров тольми потому, что родители расстались. Они ее подкармливали и оберегали и не давали ей причинить никакого зла, потому что она была прекрасной устной рассказчицей, и это там очень высоко ценилось.

2.14

2.15

Я, в своем стремлении всех перезнакомить, немедленно познакомила их с Люсей Товалева, моей одноклассницей по немецкой школе: у нее к тому времени мать тоже арестовали. И Люська переехала жить к Алене. И под Новый тридцать восьмой год у Алены в квартире арестовали Люсю.

Люся провела десять лет в карагандинском лагере. Она мне сказала как-то: "Мне казалось, меня больше нет. Это кто-то другой живет в моем теле. Я запретила себе вспоминать о прошлом". Когда Люсин срок кончился, она не испытала никакой радости.

2.17

Я закончила школу с аттестатом отличника, что потом стало соответствовать золотой медали, поэтому мне надо было пройти только собеседование. А Денис Самойлов сдавал все...

17	с Карповой Мишане Зиновьевне, рождения 1920г., об окончании школы в 1938г. 20/2, Поведение отличное. Русский язык - ^{отлично} хорошо. Литература - отлично. Арифметика - отлично. Алгебра - отлично. Геометрия - от- лично. Тригонометрия - отлич- но. Естественные науки - отлично. Центральный - отлично. История - отлично. Физика - отлично. Биология - отлично. География - отлично. с Антропосом отлично. Немецкий язык - отлично. Черчение - хорошо	2.18 10 3/10 24/10 1938
----	--	----------------------------------

Мы с Дедом, взявшись за руки, пошли в ИФЛИ и Институт истории, философии и литературы, такой старинный вуз типа пушкинского лицея, созданный советской властью в тот момент, когда стало ясно, что нужны высокообразованные люди, чтобы иметь сношения с иностранными государствами.

2.19

Собеседование проводили не профессора, а совсем молодой человек, которого, как я вскоре узнала, зовут Яша Додзин и который был одновременно начальником отдела кадров и начальником спецотдела ИФЛИ.

А потом вышел совсем уже молодой мальчик и сказал: “Можешь не волноваться — тебя примут”. Он стал моим очень близким другом и замечательным переводчиком, мы вместе работали — звали его Нёма Кацман.

Марк Бершадский учился на русском отделении, до этого (он был старше нас на год) проучился год в консерватории, решил, что это не для него, и вот поступил в ИФЛИ.

Женя Астерман учился в английской группе. Он сразу, видимо, обратил на меня внимание, потому что на Новый год первого курса я получила от него изумительный подарок...

У меня есть фотографии Марка и Жени, которую я чудом получила через много лет после войны. Это были совершенно замечательные по чистоте, по какой-то душевной прелесть ребята.

Старшекурсники все говорили: вот подождите, на втором курсе вам будет читать Владимир Романович Гриб, и вы увидите, что это такое. И мы увидели. Мы совершенно обалдели, но это оборвалось.

Когда он попал в больницу, курс Возрождения стал читать Леонид Ефимович Пинский. Его невнятное бормотание — это был процесс мысли. Мы впервые видели, слышали, как человек мыслит.

В дальнейшем этот мальчик стал известен на всю страну, это, я думаю, лучший поэт нашего поколения, Давид Самойлов.

Это был Юра Кнабе, Георгий Степанович Кнабе — он потом стал завкафедрой иностранных языков во ВГИКе.

А на втором курсе к нам пришел учиться сын советского посла в Америке Олег Трояновский. Он был очень милый парень, довольно плохо говорил по-русски и знал не все слова.

Думаю, я именно в ИФЛИ
обрела какое-то настоящее
видение и мира, и людей,
и культуры. Я поняла еще,
что надо защищать какие-то
вещи. Может быть, в тот
момент заглох и страх, не
знаю.

**ПРОФЕССОР
РАДЦИГ**

**Профессор
Гудзий.**

.Ухожу, как Парис,
за свою Еленой,
бездомной тоскою
своей ухожу..."
(П.Коган)

В ИФЛИ была очень силь-
ная группа молодых поэтов.
Во главе ее стоял Павел Ко-
ган. Они противопостав-
ляли себя поэтам старшего
поколения.

Театральная молодежь тоже считала, что в театре застой. И вот молодой актер Плучек и молодой драматург Алексей Арбузов создали студию. Задумано было так, что каждый из участников придумает себе образ и напишет заявку на свою роль.

А потом группа литературных ребят — в том числе Саша Галич, который был тогда Сашей Гинзбургом, Сева Багрицкий, сын поэта Багрицкого, Илья Куликосов, который стал потом драматургом, Зина Гердт, бывшая очень важными персонажем в постановке, — соединила эти заявки в "Город на заре".

В конце лета тридцать девятого года мы поехали в Теберду, на Кавказ. Встречали рассветы, смотрели, как солнце поднимается над ледниками, слушали, как шумит горные потоки, и как-то забыли о прошлой зиме. И вообще все внушало надежду, что "чистки" закончились. Думали — может, начнется нормальная жизнь?

Но началась война... Передо мной встал выбор: поехать на трудовой фронт, как большинство моих друзей, потому что мальчики все ушли добровольцами, Жени Астерман, Марк Бершадский — они тут же записались добровольцами на войну. Или подумать о маме. И, к великому осуждению моих товарищей, и все-таки решила, что обязана о маме подумать. И что мне надо маму увезти.

Приезжали в Набережные Челны, которые тогда были деревней, это сейчас стал город. Маму я оставила сидеть на причале, а сама пошла искать районную газету.

Пролетарки всех стран, соединяйтесь!

Знамя

Коммунизма

Орган Челнинского райкома ВКП(б)
и районного Совета депутатов трудящихся ТАССР.

ОКТАБРЬ
1
ЧЕТВЕРГ
1942 год
№ 78 (963)
ЦЕНА 10 КОП.

2.43
Продукты ни
фронту, как и бе
в поле ни колоса
ни грамма овош
Армию и страну
ственной продукци

УСИЛИТЬ ПОДЪЕМ ЗЯБИ

РОДИНА ТРЕБУЕТ

ВКЛАД В
ПОМОЩЬ

скоту выполнение составляет 97 про- по лошади—90,5 ю овцам и козам— 1, по кроликам 73 га. которых колхозах развития животновод- иславле под угрозу К таким вужно от- ледующие колхозы: рта", им. Азина, и. Коминтерна, и другие. сдзатели этих кол- не занимаются воп- ичения поголовья го рогатого скота. им. Азина имеет 12 коров, виес- по плаву. Колхоз ивет 19 имер.

Вен наша страна и ставляет сейчас едн боевой азгер, ведт священную отечестве войну против немецко- шистских захватчиков. Никакие трудности, какие жертвы не стр советских людей, не требует—будет сдел вот лозунг советских рноуоа. Прекрасно понимают трудящиеся города ревно взаимного поавн свою активность в 50- 33 увеличение физическ ресурсов страны. Наряду добросовестным иилю

И еще раз жизнь мне улыбну- лась. Главный редактор, един- ственный редактор этой газеты, оказался совершенно замеча- тельным человеком. Даричев. Я его помню. Он был настоящий самородок, абсолютный само- учка, грамоте сам научился.

Я увидела девочку, которую звали Ася Голь- динна и которая была подружкой Марка Бершадского. Я, как безумная, закричала "Ася!", стала махать, она увидела, узнала, замахала в ответ. Она мне рассказала, что Марк и Женя погибли в первых боях.

Второе событие весны — появление дру- того знакомого мне человека, а именно, Маргариты Алигер. Оказалось, ее старшая дочка Таня с бабушкой, ее матерью, тоже жила в Набережных Челнах.

13
... Не просишь в людское сердце,
Не стучишь в туши звери.
На печаль твою скорее
Отзовутся тушко звери.
У людей все мир сердечный
Слишком тесен, слишком узок.
Посоли вслушай скорее
В пролоды живущий Тузик.
И найдути тебя собаки,
Бесшумные дворняги.
Все же знающие ласка
С тушкой сердцем не-бродяги
Встретят нас тебя с улыбкой
И виляют хвостом сердечным
И собачьими глазами
Взглянет неженко, голубочко

Тарловна 10 июля 1943

248

Жили мы с мамой вдвоем одни на свете. Жили очень хорошо. Вот у мамы в тетрадке есть стихотворение, как и на Новый год смогла раздобыть ей пол-литра молока и принесла ветку хвоя.

К тому времени главным событием, потрясшим нас, был расстрел, который я услышала из очень правдивых и покорных уст, а именно от Лева Велижанинского, который приезжал в отпуск в Москву. Он рассказал, что в армии появился антисемитизм. Это была совершенно новая тема в нашей жизни. Лева работал переводчиком на очень высоком уровне, в частности, он Паулюс Допрашивал.

2.50

День Победы был омрачен тем, что мама не дождала до него. Мы так мечтали все эти годы, что когда-нибудь эта война все же закончится, как все когда-то кончается.

неделю. И мама согласилась. И это, конечно, грех большой на моей душе. Но я как-то не могла поступить иначе. На самом деле я твердо знала, что еду в Москву.

Чтобы ехать, нужны были пропуска. Ну, на пароходе столько палуб и кают, что мне легко удалось уклониться от проверок. Потом на вокзале в Казани Рита каким-то образом купила мне билет, и мы сели в поезд. Билет у меня был, но не было пропуска. Рита сама волновалась. Настолько, что я даже сказала: может, хочешь, чтобы я с тобой не ехала вместе, может, я поеду в другом вагоне? — Нет-нет, — сказала она, — едем вместе, может, я тебе чем-то смогу помочь.

Мы не спали ни день, ни ночь. Два раза проверяли пропуска во время пути. Оба раза я запиралась в уборной, стучали, надоедало стучать, уходили. Я, конечно, до самой Москвы не доехала, до Москвы мне нельзя было доезжать, но это я знала, надо было сойти на какой-нибудь дачной станции и потом на пригородном поезде доехать. И я все это более или менее благополучно проделала. И оказалась в Москве. И уже из Москвы послала маме телеграмму. Мне было очень стыдно, что я так обманула ее, но вместе с тем я подумала, что какие-то вещи еще привезу, нам будет на что жить...

Пришла в свою квартиру и с ужасом увидела, что в ней живут. В каждой из трех комнат. Потому что разбомбили где-то дома, переселяли людей... Ну, я догадалась пойти в домоуправление и сказать, что вернулась насовсем. А Юрка Кнабе, бывший тогда в Москве, дал мне бутылку водки, чтобы я вручила домоуправу. И тот не спросил у меня пропуска, хотя обязан был бы спросить. И одну комнату освободил мне.

Тут я обнаружила, что ничего нет. Всё раскрадено. Вещей вообще никаких нет. И больше всего мне было жал-

Его старший брат Николай в семнадцать лет, во время Гражданской войны, был убит на улице красноармейцами за то, что в руках у него была французская книжка. Как классовый враг.

Такого, как Вика, больше не было. С его художественным темпераментом и непосредственностью он жил в тоталитарном мире, как жил бы в любом другом.

До войны он блестяще учился на архитектора, но диплома не получил. Начальство не приняло его проект, который был вдохновлен творчеством Викиного любимого Корбюзье. Как раз в тот год развернулась кампания против конструктивизма — его объявили буржуазным течением, враждебным социалистической эстетике. И на долгие годы в советской архитектуре утвердился сталинский неоклассицизм. Некрасову предложили представить другой проект, если он хочет получить диплом, но он предпочел раз и навсегда отказаться от архитектуры, лишь бы не отказываться от Корбюзье. И решил стать актером, в надежде, что эта профессия даст большую независимость. В результате он оказался в городском театре Кривого Рога одновременно в двух амплуа — первого любовника и художника-декоратора. Потом началась война.

Вика любил повторять, что писателем он стал случайно. После второго ранения под Сталинградом врач посоветовал ему каждый день по нескольку часов рисовать или писать, чтобы вернуть подвижность пальцев: “разрабатывать мелкую моторику”. Вика выбрал письмо, поскольку, будучи ленив, любил полежать, а писать можно, не вставая и не садясь за стол. И вот так, лежа на животе на своем продавленном диване и выводя каракули огрызком карандаша, он написал “В окопах Сталинграда”.

Закончил, отдал рукопись машинистке и совершенно не намеревался ее публиковать. Не в его духе было бегать

Подошел сорок седьмой год, и произошло событие, которое перевернуло всю мою жизнь. Я пошла встречать Новый год к Эльке Нусинову, как должна была пойти шестью годами раньше. И я уже заранее знала, что там будет их общий приятель, режиссер из театра Станиславского по имени Сима Лунгин.

Потом мы с Симоной выяснили, что всегда-то раньше, тоже в поголовную ночь, он заходил за Аней в дом, где мы с ней были в гостях. Но ни Симона, ни в этой встрече не помнили. Судьба назначала нам встречу через несколько лет.

3.02
6/III - 332

Симин отец был архитектором, а также занимался облицовкой домов. Он когда-то строил этот дом и поэтому смог получить в нем большую квартиру.

Когда все стали уходить, совершенно неожиданно Симона осталась. И в итоге осталась в этом доме. И вот осталась на всю жизнь.

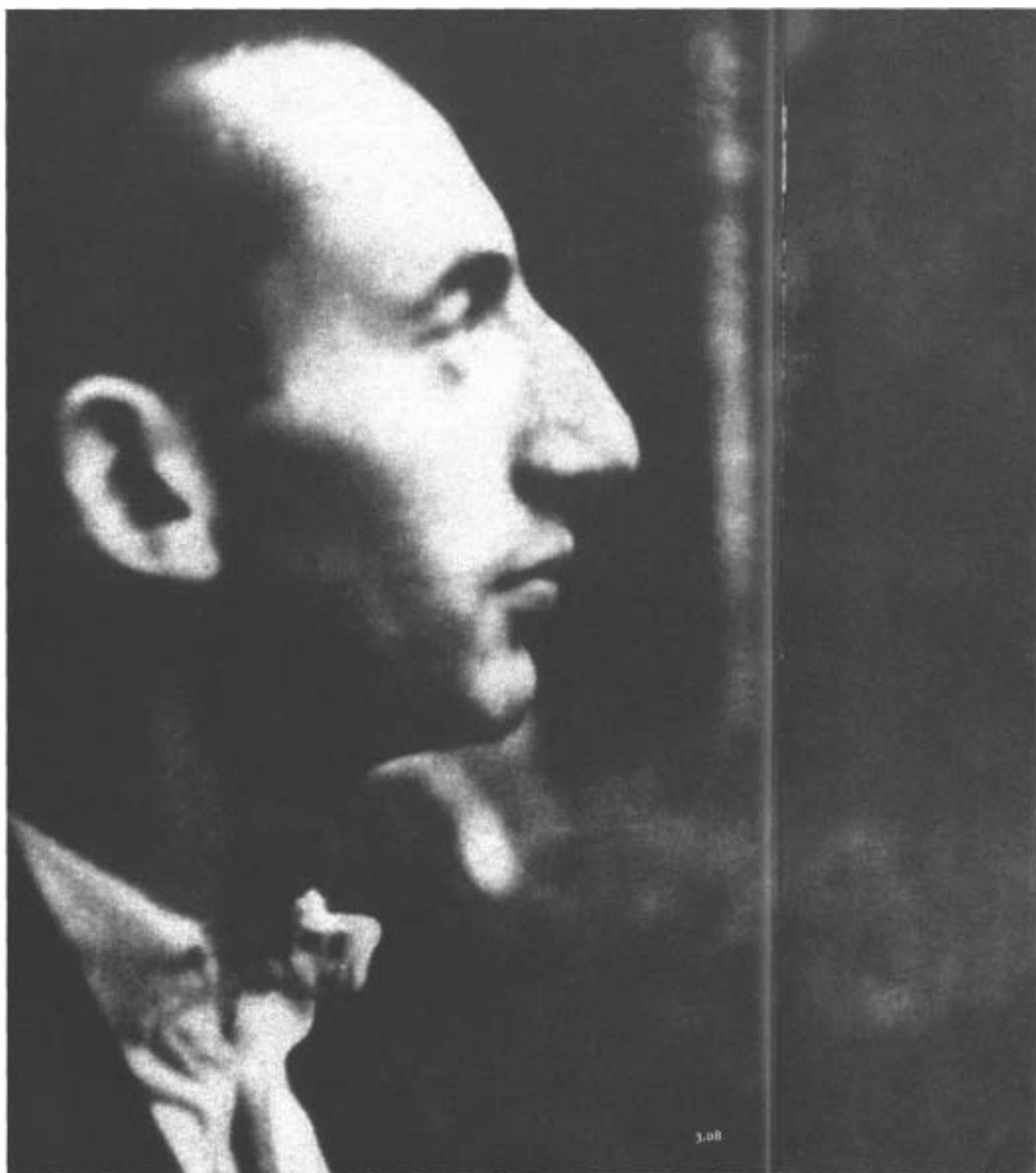
3.02

Потом родился Павлик.

В какой-то момент я поняла, что не могу, чтобы у нас был один ребенок. Нужен обязательно второй. И родился мальчик. Назвала я его Женей. В честь Жени Астермана, о котором я рассказывала, — моей ифлийской любви.

3.08

3.09

А может, это удивительный у Симы был дар превращать жизнь в какое-то политеатральное действо. Мы как бы играли все время. Даже не знаю, как это выразить, — было какое-то ощущение праздника, который длится, который втягивает нас.

3.10

А Нелюк, когда
подрастает,
то еще - ка! и Вика

ВИКТОР НЕКРАСОВ

**В ОКОПАХ
СТАЛИНГРАДА**

ПОВЕСТЬ

Симонина,
не плачь
на!

Вика

57.11.49

А Лилия, не плачь, не то еще
на! А.

К этому моменту ни Симз, ни я "В окопах Сталинграда", опубликованных в журнале "Знамя", не читали. Мы не знали, что это за писатель, что за человек.

Я думаю, Вика был самым свободным из всех, кого я знала. Он никогда не был диссидентом в буквальном смысле слова, его конфликт с властью носил нравственный характер. На почве отирания во лжи и демагогии.

Наша дружба длилась до дня Викиной смерти. Он стал нам как бы братом, когда бывал в Москве, то жил всегда у нас, один или с мамой, — вообще он жил в Киеве с мамой со своей. Месяцами жил у нас. Мы почти всегда летом отдыхали вместе.

Сима был вдумом с Элькой с довоенных лет,
и они вместе сочинили пьесы.

3.47

Эльку выгнали из института, где он работал, потому что началось дело Еврейского антифашистского комитета, все члены его были арестованы, в том числе отец Эльки Нусинова, профессор Нусинов.

3.48

Сима и Элька работали с замечательными режиссерами. "Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен" поставил Элем Климов, эта вещь стала классикой детского кино. Через много лет они сделали с Климовым "Агонью", историю десяти лет ждала выпуска на экран. Две картины с Галиком Бабовым — "Внимание, черепаха!" и "Телеграмма", "Жизнь певчий дрозд" с Отаром Поселтани.

3.49

Среди вернувшихся из лагерей был и Леонид Ефимович Пинский. Его арестовали поздней осенью сорок девятого года. Накануне мы утром гуляли в каком-то парке. Они с Симой купили четвертинку и на ходу ее распили. И мы договорились встретиться через два дня. Прошел день, второй, а на третий мне позвонила одна его ученица и сказала: я ездила к Леониду Ефимовичу — его дверь опечатана.

Когда он вернулся в самом начале пятидесят пятого года, то рассказывал нам, что это была Эльсберг. Что Эльсберг, оказавшись, после каждой беседы с ним не ленится садиться за письменный стол и подробно излагать, о чем шла речь. И получился довольно объемистый материал.

Белинский в борьбе с космополитами

Далеко не все современники Белинского до конца видели глубинный смысл его статьи «Назад на русскую литературу 1846 года» и других работ, где великий критик со всей решительностью и последовательностью обрушился на космополитизм, антинародные тенденции в западническом лагере.

Известный полемист стал восторженно воспринимать вызванную острой политической необходимостью. Ирония в том, что в печати лишь обнаружилось, что под флагом борьбы со славифильством и против «адаптизма» предлагались идеи и взгляды, радикально противные демократизму, отрицательные нравственно-национальной геронии, вредные обществу.

Белинский и Герцен, стоявшие на демократическом и социалистическом почве и стремившиеся за то, чтобы Россия стала передовой страной мира, отрицательно относились к таким антинародным западникам.

В развитии названного космополитизма и западничества, эти, слависты, иронизировали и тому, чтобы своей книжкой многосторонне разсеять за то, что космополитизм, а не наоборот, а именно политический.

Поэтому так резко обрушился Белинский на космополитизм, на русские космополиты, — тех, что наследовали и с западной стороны, без какой-либо борьбы, боялись отсталости России и рождались западноевропейскими буржуазными идеями и ее культурой. Это бы-

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Штейнберг
 имя Яковлевич отчество Львович
 2. Пол м. Год и м-я рождения 22 3/104 Место рождения г. Таганрог, г. Таганрогской губ.
 а) по существовавшему в то время адм. делению
 б) по существующему в настоящее время адм. делению г. Таганрог, Таганрогской обл. УССР
 3. Национальность еврей 6. Соц. происхождение:
 а) бывшее сословие (звание) родителей Мещане
 б) основное занятие родителей до Октябрьской революции Рабочий, после Октябрьской революции Машинист
 7. Основная профессия (занятие) Машинист
 стаж работы по этой профессии с 1926 8. Соц. положение С.Р.П.
 10. Какой организацией принят в члены КПСС 3.22

На пересылье Леня встретился с профессором Штейнбергом, востоковедом, которому Эльсберг был как брат родной. Когда Штейнберга арестовали, его жена, естественно, побежала в ту же ночь к Эльсбергу...

Когда "Новый мир" напечатал "Один день Ивана Денисовича" — это было событие чрезвычайного значения. Общенационального. Вообще, смотрите, как интересно — печатание книг, стихов является каким-то важным моментом в высвобождении этой несчастной страны из пут порабощения.

- Э. МЕЖЕЛАЙТИС** — Гимн утру, Ржавчина, Воздух, стихи. Перевел с литовского Д. Самойлов, Станислав Куняев
- А. СОЛЖЕНИЦЫН** — Один день Ивана Денисовича, повесть
- С. МАРШАК** — Десять четверостиший. Из Вильяма Блейка
- АЛЕКСАНДРА БРУШТЕЙН** — Простая операция
- КЯЗИМ МЕЧИЕВ** — Стихи разных лет. Перевел с балкарского С. Л.
- ВИКТОР НЕКРАСОВ** — По обе стороны океана
- Е. СТУАРТ** — Подрастают мальчишки, стихотворение
- АНАТОЛИЙ ПАВЛЕНКО** — Большая Знаменка, стихотворение
- ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ** — Мотылек и Танк, рассказ. Перевел с англи Иван Кашкин

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

ЮРИЙ ЖУКОВ — Жизнь и смерть Патриса Лумумбы

3-25

Это был момент окончательного разделения интеллигенции. Выяснилось, что нужно занять какую-то позицию. Либо одобрить, либо осудить то, что произошло в Венгрии. И это стало водоразделом. В частности, никогда не забуду, как мы с Леной Пинским поехали к Михаилу Александровичу Линфинцу, нашему довоенному кумиру. И вот тут на моих глазах произошел разрыв между ними.

3-26

3-27

Другого такого времени потом уже не было. Все жаждали услышать свежее, живое слово. Ведь целлулоидная литература тех лет отбила у людей желание ее читать. И вот когда вдруг прорвалось живое человеческое слово, то увлечение было невероятным. Однажды Вика привел Егущенко к нам обедать...

3-24

Освободившись, Солженицын написал повесть. Лева Копелев принес ее своей подруге, замечательному литературному критику, заведующей отделом прозы в "Новом мире" — Анне Самойловне Берзер, Асе Берзер, которая стала позже редактором Вики Некрасова и моей очень близкой подругой.

Шаламов вернулся следом за Солженицыным. Я с ним познакомилась у Леонида Ефимовича. Это был совсем другого облика человек. Я увидела еще не старого, но совершенно состарившегося, похожего на образы Рембрандта человека.

Володя Тендряков. Теперь его мало знают, вообще это замечательный писатель, один из самых честных, правдивых, искренних авторов шестидесятых годов.

Ставить "Мирозета Панина" искал Миша Швейцер, из нового поколения последователей режиссера, но уже имевший некоторое имя, потому что сделал с Тендряковым успешный фильм.

3-32

An lever Emil i Lönneberga

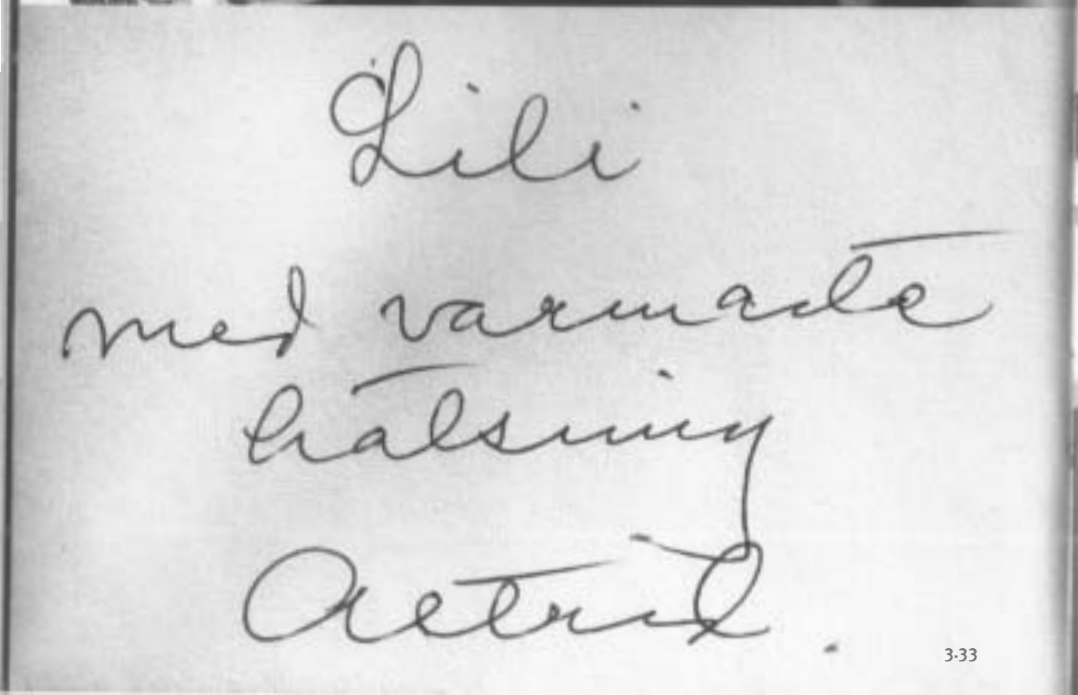

ASTRID LINDGREN

3-34

И это эпизод почти такого же значения, как то, что я двенадцатого января осталась ночевать у Симы. В рабочем плане я вытянула невероятно счастливый жребий. И то, на что я злилась... Вот сделала бы французскую книжку, никто бы ничего не заметил, и я бы ничего не заметила. А тут я попала в изумительный мир совершенно замечательной детской писательницы Астрид Линдгрэн.

3-33

3-36

3-37

3-10

Вот такая появилась Мотя — деспотичная, очень строгая, с четким мнением по всякому поводу — и почувствовала себя здесь полной хозяйкой.

3-19

Но вместе с тем... как бы это сказать? Все-таки, странным образом, эта натура, такая противоположная мне во всем, была очень близким человеком. И в ее ощущала как родного человека.

Мы с Вернанами потеряли друг друга на тридцать с лишним лет. И вот теперь сидели и несколько дней подряд рассказывали друг другу свою жизнь.

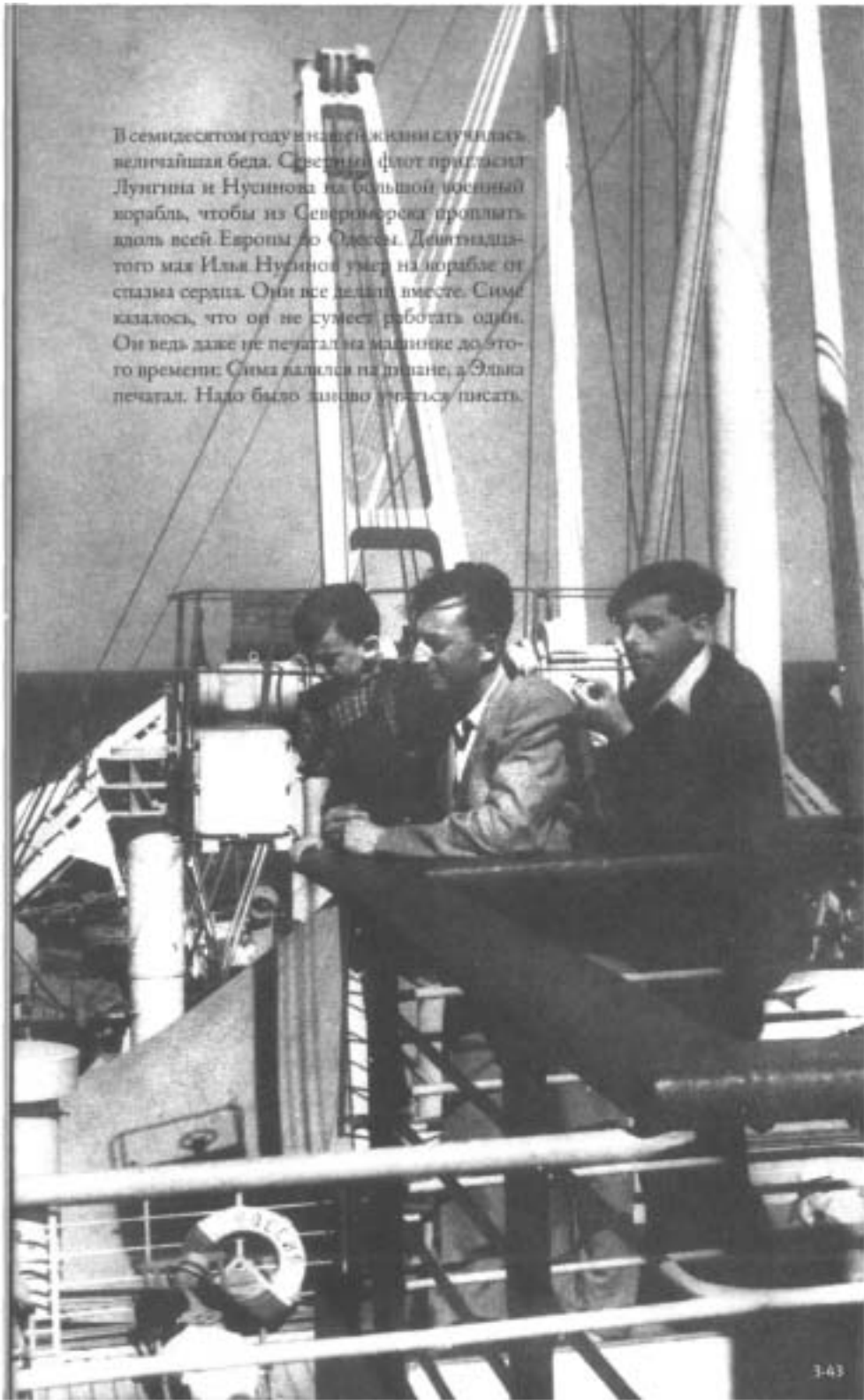

Я узнал, что Верна был одним из главных людей во французском Сопротивлении. Днем продавал газеты, а ночью ездил на какие-то страшные задания — подрывал мосты, бросал в воду вместо маски чулок на лицо. И что он награжден редкой медалью, которой де Голль награждал всего шестьсот человек во Франции.

Лиди тоже была коммунисткой. Сначала мы, конечно, старались избегать разговора на эту тему, но на какой-нибудь третий день мне пришлось сказать Жипе: скажи, как же ты можешь быть в партии?

В семидесятом году в нашей жизни случилась величайшая беда. Советский флот пригласил Лузгина и Нусинова на большой военный корабль, чтобы из Североморска проплыть вдоль всей Европы до Одессы. Двадцатого мая Илья Нусинов умер на корабле от спазма сердца. Они все делали вместе. Симе казалось, что он не сумеет работать один. Он ведь даже не печатал на машинке до этого времени. Симе дали на тридцать, а Элима печатал. Надо было заново учиться писать.

3-43

3-44

В семьдесят четвертом году уехал Вика. Было, конечно, ясно, что он уезжает навсегда. Для нас с Симой это была страшная потеря. Мы не могли себе представить жизнь без Вики.

3-45

Моя подруга Флора Литвинова...

346

Главное в этой жизни — люди, и людей замечательных гораздо больше, чем предполагаешь. Значит, все-таки хорошее побеждает плохое. Надо внимательно присматриваться к людям вокруг. И может быть, это есть тоже маленькая тропинка, ведущая к какой-то радости.

...наши любимые друзья Золотухины.

348

347

Мои дорогие, очень близкие друзья —
Дуся Каминская и Костя Симне.

349

3-50

Если подводить еще итоги моей жизни, то, конечно, главное в ней это два сына.
У нас с Симой два больших мальчика.
Есть еще у нас внуки. Есть большой внук Саша, Павлов сын...

3-51

3-52
5 '92

...и есть двое внуков в Париже, потому что Жени женился на француженке.
Мальчик, которому шесть с половиной лет и которого зовут Антуан, и девочка
трех с половиной лет по имени Анна.

3-53

по журналам и издательствам. Он просто хотел дать почитать друзьям. Но один из них без ведома автора послал рукопись Александрову, критику, который до войны был в группе Лукача и Лифшица. Александров прочитал, пришел в восторг, отдал его в журнал “Знамя”, и книгу очень быстро опубликовали. И впервые все, кто был на войне, узнали в ней самих себя, впервые люди находили в напечатанном тексте то, что пережили. Но в то же время книга бросала вызов всей традиции прославления и возвеличивания Отечественной войны. Тотчас же заголовки, немедленно обвинили Некрасова в “дегероизации”, в подражании Ремарку — а это было преступлением. Книгу чуть не изничтожили. И вдруг, уж не знаю каким чудом, роман получил Сталинскую премию. А книга, которой присуждали эту премию, становилась священной и неприкосновенной, тем более что, по слухам, Сталин собственной рукой внес ее в список. Было несколько изданий “Окопов”, огромные тиражи, и это тот редчайший случай, когда официальное признание и заслуженная слава совпали. Трудно вообразить, до какой степени Некрасов стал популярен по всей стране: он получал тысячи писем, его узнавали на улице, в поезде, люди подходили, выражая ему благодарность и восхищение.

Но слава его не изменила. Он оставался все тем же Викой, который жил когда-то в коммуналке с мамой, которая была врачом и целыми днями бегала по лестницам киевских домов, обходя своих больных. При том, что он внезапно сделался народным достоянием, человеком знаменитым и богатым, он сохранил цельность, определенность вкусов и ясность представлений о добре и зле. И совсем не изменил свой образ жизни. Двери его прекрасной квартиры на Крещатике, которую ему дал Союз писателей, были открыты для всех, кто нуждался в его